

Теоретический вектор

理论取向

Theory Approach

Научная статья

УДК 330

EDN YMKPQP

DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).221-231

**Становление китайской теории международных отношений:
обзор научного дискурса****А.Г. Абраменко**Байкальский государственный
университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

02.12.2022

Дата принятия к печати:

08.06.2023

Дата онлайн-размещения:

14.07.2023

Аннотация. Политическая философия Китая обладает своей самобытностью и интеллектуальной традицией. В науке международных отношений национальные разработки Китая в области теории набирают свою популярность. Школы теорий КНР комбинируют традиционные национальные разработки с классическими теоретическими подходами науки международных отношений. Автор просматривает взаимосвязь между ростом КНР на международной арене и интересом к китайским теориям. В статье рассматриваются основные школы теорий международных отношений Китая. При анализе теорий автор использует ретроспективный подход и сопоставляет основные этапы развития теорий с важными историческими событиями во внешней и внутренней политике КНР, рассматривает взаимосвязь между доминированием различных теоретических подходов международных отношений и внешней политикой КНР. Автор анализирует китайский опыт построения национальных школ теорий международных отношений, оценивает теоретические подходы в контексте внешнеполитических событий, рассматривает современное состояние национальной школы теории международных отношений в Китае и научный дискурс по оценке ее содержания в политологическом сообществе. Автором выявлена закономерность между внешнеполитическим курсом государства и исследованиями в области международных отношений. В статье выделяются несколько причин появления активного научного дискурса, сложившегося вокруг национальной теории международных отношений Китая. Опыт китайских исследователей возможно использовать при построении теорий международных отношений в России.

Ключевые слова. Теория международных отношений, западные теории международных отношений, внешняя политика КНР.

科学文章

中国的国际关系理论的形成：科学话语的概述**A.G. Abramenko**

贝加尔国立大学,

伊尔库茨克市, 俄罗斯联邦

结稿日期：2022年12月02日

出版日期：2023年06月08日

网上出版日期：2023年07月14日

摘要：中国的政治哲学有自己的特点和思想传统。在国际关系科学领域，中国的理论发展正在得到普及。中国的理论流派将传统的本国研发成果与国际关系科学的经典理论方法相结合。作者认为中国在国际舞台上的崛起与人们对中国理论的兴趣之间存在着关联。本文研究了中国的主要国际关系理论流派在分析这些理论时，作者采取了回顾性的方法，将理论发展的主要阶段与中国外交和国内政策的重要历史事件

进行了比较，研究了各种国际关系理论方法的主导地位与中国外交政策之间的关系。作者分析了中国建立国际关系理论国家学派的经验，评价了外交政策事件中的理论方法，考察了中国国际关系理论国家学派的现状以及政治学界评估其内容的科学话语。作者发现了国家的外交政策与国际关系研究之间的规律性。文章强调了围绕中国的国家国际关系理论出现的活跃的学术话语的几个原因。中国研究者的经验可以用来建立俄罗斯的国际关系理论。

关键词：国际关系理论，非西方的国际关系理论，中国外交政策。

Original article

The Formation of the Chinese Theory of International Relations: A Review of Scientific Discourse

A.G. Abramenko

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2022 December 02

Accepted: 2023 June 8

Available online: 2023 July 14

Abstract. China's political philosophy has its own identity and intellectual tradition. In the science of international relations, China's national developments in the field of theory are gaining popularity. The schools of theories of the People's Republic of China combine traditional national developments with classical theoretical approaches. At the same time, there is a relationship between the growth of China in the international arena and interest in Chinese theories. The author analyzes the main schools of theories of China's international relations. When analyzing theories, the author uses a retrospective approach and compares the main stages of the development of theories with important historical events in the foreign and domestic policy of the People's Republic of China. The author examines the relationship between the dominance of various theoretical approaches of international relations and the foreign policy of the People's Republic of China. The author analyzes the Chinese experience of building national schools of theories of international relations, evaluates theoretical approaches in the context of foreign policy events. The author analyzes the current state of the national school of the theory of international relations in China and the scientific discourse on the assessment of its content in the political science community. The author reveals a pattern between the foreign policy course of the state and research in the field of international relations. The article highlights several reasons for emerging of the active scientific discourse that has developed around the national theory of international relations of China. The experience of Chinese researchers can be used to build theories of international relations in Russia.

Keywords. Theory of international relations, non-Western theories of international relations, China's foreign policy.

Китайская политическая философия является одной из самых богатых интеллектуальных традиций, которая до столкновения с Западом в XIX в. развивалась самостоятельно. Примечательно, что китайская история развития собственной школы теории международных отношений насчитывает более полувека. На китайский язык переводятся работы западных ученых по фило-

софии, логике, политическим наукам, социологии и т.д., однако в научный оборот они вошли только к началу XX в., и только к его завершению в Китае копирование западных методов и подходов переросло в появление собственного «методологического осознания» [1].

Целью исследования стала попытка найти закономерность между успехами КНР на международ-

ной арене и оформлением в Китае собственных самостоятельных разработок в области теории международных отношений. Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи:

1. Проанализировать и сопоставить основные этапы развития теорий международных отношений Китая с внешнеполитическим курсом и геополитическим подъемом Китая на международной арене.

2. Проанализировать положение китайских теорий в общем дискурсе науки о международных отношениях.

3. Найти причины роста интереса к китайским теориям.

Теоретико-методологические основы работы представлены как общенаучными методами (логическим, теоретическим и эмпирическим), так и специальными — ретроспективным, историко-сравнительным и структурным. В то же время в рамках настоящего подхода автор исходит из экстернализма при анализе развития национальных школ.

Первые общие исследования международных отношений Китая появились в Китае только в середине XX в. Относительно молодая наука прошла долгий путь на пути своего оформления в отдельную дисциплину, сепарированную от других социальных областей знания. Наиболее удачные попытки классифицировать этапы развития науки международных отношений в Китае предпринял китайский исследователь Цинь Яцин. Он выделяет три этапа в развитии исследований в области международных отношений в Китае:

1953–1964 гг. Этап развития прикладных международных отношений, когда в Пекине был открыт факультет дипломатических исследований в Институте внешней политики, где готовились дипломатические кадры;

1964–1979 гг. Развитие внешнеполитических связей обусловило необходимость в проведении полноценных исследований, началось усложнение самой образовательной системы, что повлекло за собой создание факультетов международной политики в трех университетах — Пекинском, Народном, Фуданьском;

С 1979 г. и по настоящее время длится третий этап, который ознаменовался новым курсом государства — «политикой реформ и открытости», геополитическим подъемом Китая и активным развитием своих собственных теоретических работ [2, р. 242].

В методологическом плане Цинь Яцин также выделяет три этапа развития теории международных отношений в Китае:

Первый этап хронологически охватывает период 1978–1990 гг. В это время китайское научное знание находилось под влиянием марксизма-ленинизма. Свой бесспорный вклад в развитие научной мысли внесла «теория трех миров» Мао Цзэдуна. Находясь под влиянием маоизма, научная теория имела «нетеоретическое» свойство и представляла собой единую школу, которая четко фиксировала вектор отношений «друзья» — «враги». Однако западные научные парадигмы к концу этого периода лаконично вошли в гуманитарные науки, отвечая задачам КНР по ее модернизации, защите ее национальных интересов.

На *втором этапе* (1991–2007 гг.) происходит отход от марксистских концепций, доминирующими теориями становятся реализм и либерализм. Постепенно китайские ученые перешли к попыткам комбинировать традиционные китайские идеи с западными теориями международных отношений. Такой подход можно назвать доктринальным: в 1992 г. была провозглашена идея социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина, в 2002 г. появилась концепция «трех представительств» Цзян Цзэминя. Расцвет западной теоретической мысли в Китае привел к углубленному изучению английской школы теории международных отношений и конструктивизма. Первые работы о возвышении Китая спровоцировали ответную реакцию в научном сообществе. Идея о том, что западный мир теряет свои позиции, совпала с традиционным китайским пониманием изменчивости природы вещей, гармонии и пределов развития. С началом XX в. оформляется понимание, что западные теории можно эффективно комбинировать с традиционными идеями.

С 2007 г. начинается *третий (инновационный) этап* в развитии национальной теории международных отношений (ТМО). Китайские ученые пришли к выводу, что накопленной эмпирической и теоретической базы достаточно для обращения к вопросу о создании собственной национальной школы [3, с. 13–25]. Как и в предыдущий период, новый этап начался, когда «на XVII съезде КПК в 2007 г. генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао сформулировал «научный взгляд на развитие», в котором был сделан акцент на «гармоничный мир» и «гармоничное общество», чего невозможно достичь без мирного развития». Затем своеобразным стимулом к формированию национальной школы МО Китая стала речь Си Цзиньпина на XVIII съезде КПК, где была предложена концепция «сообщества единой судьбы человечества» [4, с. 58–80].

Отражение развития китайской национальной школы ТМО можно найти на исторической линии геополитического подъема КНР. Важно отметить, что теория применительно к анализу международных отношений влияет на миропонимание политиков и ученых, однако объяснять изменение внешнеполитического курса страны исключительно развитием ТМО было бы неверным, скорее можно говорить о взаимном влиянии этих двух факторов. Показателен вопрос, который задает Ван Ивей, декан Института международных исследований университета Фудань в Шанхае: «Принес ли с собой геополитический подъем Китая рост китайской теории МО?» [5, р. 103].

Так, в 1950-е гг. приверженность Китая социалистическому блоку отразилась на его внешнеполитической повестке, продиктованной теорией «двух лагерей» [6, с. 93]. 1960–1970-е гг. характеризуются осложнением во взаимоотношениях между КНР и СССР, Китай отходит от «слепого» следования примеру Москвы и формулирует первую внешнеполитическую концепцию государства. Понимание своего особого положения требовало и научного измерения, для чего были созданы первые научно-исследовательские центры международных отношений. Однако Китай не отказался от своей марксистско-ленинской идеологии, но и сохранение старых «биполярных» принципов не соответствовало внешнеполитической линии. Требовалось объяснить отход от СССР и сохранение конфронтации с Западом, вследствие чего стали активно использоваться, передовые на тот период времени, левые идеи маоизма — «концепция трех миров»¹. Период культурной революции ознаменовался глубоким кризисом отношений между СССР и КНР, окончательно сформировалось мнение о «северной угрозе» в лице Советского Союза [7, с. 176–179]. На фоне осложнений взаимоотношений с Кремлем заметно стали улучшаться отношения с Белым домом, однако миропонимание Китая, как отдельной от двух блоков державы, никуда не уходило [8, с. 53–59].

В период политики реформ и открытости изучение международных процессов органично вписывалось в концепцию «четырех модернизаций» Дэн Сяопина, где отдельное место уделялось науке и технике. Примечательно, что концептуализация политики принадлежит Чжоу Эньлаю, так, «13 января 1975 г., несмотря на болезнь, Чжоу Эньлай выступил с докладом на

сессии Всекитайского собрания народных представителей, в котором изложил программу «четырех модернизаций» [9, с. 49]. Именно в это время китайская внешняя политика была нацелена на обеспечение роста внутреннего потенциала. Сотрудничество с западными странами строилось за счет противопоставления себя своему северному соседу.

В 1980-е гг. в КНР стала активно развиваться теория «социализма с китайской спецификой», которая по своей сути вобрала в себя все старые идейные наработки. В рамках этой теории Китай объявил о том, что он не будет присоединяться к каким-либо военно-политическим блокам с какой-либо из сверхдержав, отказался от стремления к статусу «сверхдержавы» и высказал приверженность в проведении внешней политики исключительно в рамках своих национальных интересов². В это время «намечалась тенденция к пересмотру биполярной системы международных отношений в пользу выхода на мировую арену стран «третьего мира», в которых китайские руководители видели потенциал для формирования мультиполярной архитектуры международных отношений» [8, с. 57].

В 1990-е гг. в связи с распадом СССР и, как следствие, биполярной системы международных отношений перед Китаем стояла задача объяснить и логично вписать свои старые концепции с позиции нового миропорядка. Понимание того, что с распадом СССР осталась только одна сверхдержава, отразилось на том, что КНР предложила концепцию «одна сверхдержава и много сильных держав»³. В то же время Китай стремился уйти от регионализма и расширить свои интересы на весь земной шар, для чего ему требовались все большие ресурсы и глубокая интеграция в мировые производственные цепочки.

В 2004 г. прозвучала идея «мирного возвышения». Причину развития подхода следует усматривать в росте интереса западного сообщества к проблеме угрозы со стороны растущего Китая. Вызванные дискуссии вокруг потенциальных опасностей в опережающих темпах развития КНР привели к потребности со стороны Пекина нивелировать подобные опасения. Иными словами, «Прежние заветы Дэн Сяопина «не высовывать голову» и «скрывать во тьме свои

² 苏联对外关系. 河南教育出版社, 九八九. 344页. [Внешнеполитические отношения СССР. Хэнань, 1989. С. 273].

³ 1996–1997年国际形势分析报告 // 战略与管理. 一九九七. 第二期. 页 20–22. [Доклад об анализе международной ситуации за 1996–1997 гг. // Стратегия и управление. 1997. № 2. С. 20–22].

¹ Теория председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм // Жэньминь жибао. 1977. URL: <http://maoism.ru/8573>.

возможности» соответствовали политике отсталой страны, отчаянно нуждавшейся в спокойной обстановке для осуществления модернизации. Теперь Китай хочет объяснить миру, что его неуклонно растущая и всем заметная мощь не нанесет вреда окружающим» [10].

Уже в 2005 г. Китай провозгласил концепцию «гармоничного мира», суть которой сводится к содействию миру, развитию и укреплению международных связей. Важным положением концепции стало понятие гармонии. Китай стремится построить гармоничное общество, которое аккумулирует ресурсы не на борьбу за сферы влияния в мире, но на противодействие всемирным угрозам [11]. По своей сути концепция сходна с позицией «глобального управления». В этот период времени Китай был заинтересован в сохранении своего интенсивного роста, поэтому поддержание «гармоничного мира» отвечало стратегическому желанию КНР оставаться бенефициаром мировой торговой системы, параллельно ударяя по односторонним подходам США в мировой политике, реализуемым без санкции Совета Безопасности ООН.

В 2012 г. Си Цзиньпином была провозглашена концепция «китайской мечты» [12]. Лозунг о сильном и независимом государстве с богатой экономикой, опирающемся на принципы национального возрождения, был провозглашен на фоне экономического и геополитического роста Китая. Более того, концепция «китайской мечты» основывается на понимании исключительности китайского опыта, который в рамках построения гармоничного мира будет полезен для всего мирового сообщества⁴. На современном этапе Китай продолжает отстаивать принцип многополярности, как бесспорную мировую тенденцию.

Иными словами, Китай показывает наследственность своего внешнеполитического курса. Примечательно, что изначальная риторика о том, что КНР не является частью какого-либо блока и не претендует на место гегемона, сместилась в сторону построения многополярного мира, где Китаю уделяется место одного из полюсов. Определенно можно найти взаимосвязь между возвышением Китая на внешней арене, его политическими амбициями, которые отражены во внешнеполитических концепциях, и развитием теории международных отношений. Построение теоретических школ в Китае можно рассматривать как итог развития и внутренней трансформации.

⁴ Си Цзиньпин о развитии Китая и его внешней политике // Международное радио Китая. 2013. 19 марта. URL: <http://russian.cri.cn/841/2013/03/19/1s461506.htm>

Теоретические концепты китайской школы активно обсуждаются в международном сообществе. Такие авторы, как Чжао Тинян, Янь Сюэтунь, Цинь Яцин цитируются в различных международных журналах, входят в полемику с ведущими западными коллегами. Одновременно с этим национальные теории Китая находят своих сторонников и противников как внутри национальных границ, так и за рубежом. Китайские исследователи согласны с тем, что в Китае нужно развивать ТМО. Основной спор между исследователями проходит в плоскости применимости теории к реальности, т.е., с одной стороны, ТМО Китая — это голос Китая, его взгляд на международные отношения (часть глобальной науки), а с другой — самостоятельная отдельная часть глобальной теории, которая уже отражает реальность [13, р. 25]. Так или иначе, в научном сообществе уже не вызывает сомнения наличие дискурса о национальной школе (школах) КНР.

Возможный успех развития китайской теории Цинь Яцин видит в дебатах, которые имели место в китайском научном сообществе. По аналогии с теми дебатами, которые были в Европе, китайская наука проходит те же пути развития, т.е. вырабатывает новые парадигмы на основе научного спора и требований времени. Так, по его мнению, китайская ТМО прошла через три «больших» дискуссии:

1. Между консерваторами и реформаторами (пролетарский революционизм или нормальное государство-нация). Спор был вызван вопросом, который исходил из революционной наклонности марксизма: что определяет современную систему международных отношений — война или мир? В результате дебатов в китайском дискурсе стал преобладать реализм, понятие национальных интересов и отход от марксизма-ленинизма.

2. Между реализмом и либерализмом (государство по Т. Гоббсу или по Дж. Локку). Вторые дебаты развернулись в середине 1990-х гг. Основной фокус исследований был сдвинут в сторону неолиберальных теорий. Это объясняется тем, что национальным интересам Китая соответствовал курс на интеграцию в международную экономическую систему и мирное развитие в рамках международных институтов.

3. Между реализмом, либерализмом, конструктивизмом (государство-ревизионист, брошившее вызов, либо государство, сохранившее статус-кво). Вопросы третьих дебатов схожи со спором вокруг темы мирного возвышения Китая. Китайские исследователи видят реакцию западных коллег на растущий политический и

экономический вес КНР и ищут ответы в разных источниках. Сторонники неолитерализма демонстрируют высокую взаимозависимость между США и КНР, что, по их мнению, существенно снижает риск военного исхода. Такой же позиции придерживаются конструктивисты, которые находят этому подтверждение как в абсолютных показателях, так и во внешнеполитической стратегии КНР на высшем уровне. В то же время третьи дебаты окончательно пробудили китайскую «идентичность» и углубили понимание самостоятельности китайского пути. Более фундаментально третьи дебаты, логико-исторически вытекая из предыдущих двух, являются своеобразным вызовом для КНР. Дебаты, как считает Цинь Яцин, до сих пор не окончены, однако их бесспорным результатом стало развитие и оформление китайских школ МО [2].

На международной арене отношение к китайской теории неоднозначное. Показателен разразившийся спор между Цинь Яцином и Барри Бузаном. В основе спора лежит вопрос о том, каким образом будет проходить возвышение Китая. Барри Бузан, используя подходы английской школы, попытался дать ответ на вопрос о том, возможно ли мирное возвышение Китая. Он видит возможность мирного возвышения Китая, однако это ему представляется крайне сложным заданием для КНР, которое потребует больших преобразований не только на внешнем уровне, но и внутри государства. Иными словами, «Китай сейчас поднялся настолько, что не может избежать ответственности, связанной с властью» [14, р. 36; 15]. В своей ответной статье Цинь Яцин раскритиковал подходы английской школы. Основным аргументом китайского исследователя сводится к тому, что между западным и восточным мышлением есть непреодолимая разница. Западные представители видят мир как уже законченный, оформившийся, и все преобразования в нем представляют из себя циклическое повторение предыдущих событий. Восточное мышление рассматривает миропорядок как постоянно меняющийся процесс, который находится в вечном движении. Основным постулатом китайского взгляда на мир — гармония. Так, западные общества смотрят на международные институты как на набор правил, которые сдерживают агрессию, а восточные — как на гармонизацию миропорядка [16].

Не случайно Барри Бузан одним из аргументов назвал вопрос об «идентичности» Китая в условиях меняющегося мира. Ответ на него во многом меняет аспект исследований китай-

ской ТМО, потому что существующая дихотомия внутри Китая о том, «развивающаяся» или «развитая» держава КНР, вызывает ряд фундаментальных вопросов, от ответов на который будут зависеть исследования. «Если же КНР — развивающаяся страна, как предпочитает позиционировать себя Пекин, то он должен находиться на периферии мировой политики, чего мы не наблюдаем» [17, с. 196]. В то же время китайская теория может быть рассмотрена как часть общей Незападной теории, которая отражает общее недовольство историей доминирования запада [там же, с. 409].

Примечательно, что сам Цинь Яцин в своих исследованиях, несмотря на свою приверженность к развитию теорий международных отношений в Китае, не видит в ней отдельной школы. Для него гуманитарное научное знание неделимо на национальные школы и является продолжением и достоянием всего человечества. С его точки зрения, с самого своего начала китайские ТМО опираются на западное научное знание. Западные теории и подходы стали ведущими в китайском дискурсе: «Это была победа идей Просвещения и ньютоновской культуры. В этом смысле Китай начал свой процесс модернизации» [18, р. 38].

Основным аргументом Цинь Яцина о том, что китайской школы ТМО не существует, заключается в том, что после того, как китайские ученые отбросили конфуцианские традиции и прибегли к западным теоретическим изысканиям, при любой теоретической разработке в ее основе будут западные подходы. Исходя из этого, «не может быть создано никакой отдельной китайской школы ТМО, как и любой другой социальной теории. Такая ситуация сохраняется и по настоящее время» [ibid, р. 39]. С точки зрения ученого, китайские идеи просто дополняют западные, принося тем самым вклад в развитие мирового научного знания.

Такой же точки зрения придерживается российский исследователь Е.Н. Грачиков. Он приходит к выводу, что «уникальность» китайской ТМО по сути своей выражается в представлении о том, как должна выглядеть глобальная теория. Иными словами, китайские ученые просто дополняют западную теорию своими традиционными идеями, расширяя ее устоявшиеся рамки [4, с. 58]. Подтверждение этим словам можно найти при анализе работ Янь Сюэтуна [19].

Однако у такого подхода имеются и оппоненты. В частности, Чжао Тинян утверждает, что концепция «Тянься» строится на отличной

от Вестфальской даннической системе имперского опыта Китая, соответственно в ней нет таких понятий как «суверенитет», «национальные интересы», «баланс сил», которые попросту не были присущи странам Азии того времени [20; с. 102]. Основная критика «Тянься» заключается в том, что отсутствие западной методологии и понятийного аппарата классической ТМО автоматически выводит концепцию Чжао Тиняна на ненаучный уровень и указывает на ее «немеждународность» [21; 22].

Можно сделать вывод, что как внутри Китая, так и за его пределами отношение к теоретической национальной школе КНР неоднородно. Бесспорно, что в самом разделе «незападных теорий международных отношений» китайские авторы имеют наибольшее влияние. Такое положение можно объяснить, с одной стороны, интересом ученых к внутренним трансформациям внутри КНР, вызванными кризисом мировой системы, а с другой — изменением современной архитектуры мира, влекущей за собой попытки авторов объяснить и спрогнозировать международные процессы. Таким образом, китайская ТМО становится своеобразным голосом КНР на международной арене [23].

Еще одним фактором, влияющим на активное позиционирование ТМО Китая, является универсальность китайских разработок. В работе С. Бабонеса (Сиднейский университет, 2017 г.) делается вывод, что традиционно китаецентричный концепт подходит и для описания лидирующих позиций США [24]. Важно отметить, что, с точки зрения этого автора, пока еще рано говорить о том, что КНР — явный соперник США, напротив, Китай — «данник» США, который полностью зависит от Белого дома. В качестве аргументов он указывает на доминирование США в международных и финансовых институтах, на культурную, научную зависимость Китая от США [12, с. 66]. Примечательно, что отсчет «тысячелетнего» доминирования США он начинает с событий 11 сентября 2001 г., тем самым утверждает, что идет процесс построения более стабильной системы международных отношений, но не ее кризис. [24, р. 69]. Подобного взгляда придерживается У. Каллахан из междисциплинарного Центра китайских исследований в Манчестерском университете, считающий, что идея «Тянься» описывает не постгегемонистский мировой порядок, а представляет собой новый гегемонистский проект XXI века [25].

Нельзя не отметить и тот факт, что почти все разработчики современной ТМО Китая обуча-

лись в западных университетах, преимущественно в США. За время обучения они инкорпорировали западные методологические разработки и активно публикуются в англоязычных журналах, продвигая свои теоретические и практические наработки на международный уровень. Поскольку уровень научного знания в Китае растет и, согласно статистике (без учета США), пять китайских научных центров входят в топ-100 лучших, стоит ожидать увеличения качественных и количественных показателей в области теории международных отношений [26, р. 55–60].

Можно найти определенную закономерность между внешнеполитическим курсом государства и исследованиями в области международных отношений. Особую роль в этом играют «мозговые центры», которые являются своего рода взаимосвязью между теоретическими и практическими разработками [1]. Увеличивается количество «мозговых центров»: в 2011 г. в Китае насчитывалось 428 исследовательских институтов, а в 2020 г. — 1413 [26, р. 376]. Эксперты отмечают, что пока что китайские центры далеки по своей эффективности от их западных коллег, однако выражают оптимизм по вопросу повышения их качественных показателей в ближайшем будущем [27, с. 139].

Если научная специализация по международным отношениям оформилась на Западе в начале XX в., то в Китае направление получило развитие только в 1980-е гг. Долгое время китайские школы международных отношений находились в зависимости от идеологической составляющей, затем от западной методологии, и только в начале XXI в. китайские ученые начали предпринимать попытки органично вписать западные концепты в традиционные политико-философские идеи.

* * *

Таким образом, развитие национальных школ теорий Китая логически вытекает из исторического контекста их формирования. Несомненно, есть взаимосвязь между политическими устремлениями руководства КНР и доминирующими теоретическими подходами внутри страны. В то же время нельзя с точностью сказать, насколько эта взаимосвязь напрямую коррелирует с внешнеполитическими амбициями Китая. Однако очевидно влияние экономического и политического веса КНР на международной арене на характер исследований внутри Китая. Стоит отметить, что, возмож-

но, теоретические разработки Китая в области международных отношений вполне могут стать частью «мягкой силы» КНР. Обладая определенным потенциалом, в целом теории могут способствовать наращиванию идеологического и культурного влияния за рубежом.

Как внутри, так и за пределами Китая нет единого мнения относительно статуса национальных школ Китая. У западных коллег вызывает вопрос «научность» китайских теорий. Китайские исследователи в свою очередь согласны с тем, что нужно развивать науку о международных отношениях, но находят противоречия относительно национальной принадлежности знания. В целом такая тенденция отражает общемировую: с одной стороны, есть сторонники глобальной теории, которые видят в национальной школе дополнение традиционных западных знаний, а с другой — есть те, кто видит в китайской школе национальный взгляд на будущее мировой системы.

Можно выделить несколько причин успешности теорий Китая и их активного обсуждения в научном дискурсе в дискурсе. Во-первых, геополитический вес КНР стимулирует ученых искать ответы на будущее данного тренда, где теория КНР становятся своеобразным ретранслятором взглядов Китая на будущее мировой политической системы. Во-вторых, теории МО обладают общей характеристикой универсальности, которая выражается в добавлении в стандартное поле научных исследований «свежего» взгляда на международные процессы. В-третьих, важно

отметить развитие научного потенциала КНР: все ведущие исследователи являются дипломированными и признанными Западом учеными, Китай на уровне правительства поощряет развитие науки, активно инвестирует в новые «мозговые центры» и поощряет авторов.

В заключении, хотелось бы отметить, что в России по аналогии с КНР с начала XXI в. постепенно формируются предпосылки для оформления собственной школы национально-центричной теории. Уже сейчас существуют отечественные методологические и практические разработки. Однако при сравнении китайского и российского опыта стоит отметить то, что китайские теории обладают большей популярностью. Это может быть объяснено активным интересом исследователей к вопросу о «растущем Китае». В то же время есть и объективные количественные и качественные причины успеха ТМО Китая. Так, для развития теоретического знания в национальном плане требуется наличие достаточных национальных интеллектуальных ресурсов, накопленных теоретических и методологических данных ведущих научных парадигм, государственная поддержка, наличие амбиций государства и важных исторических событий, которые приводят к аккумуляции всех этих факторов. Анализ истории развития теорий в Китае показал важность дебатов как двигателя научного знания. Представляется, что по логике китайского опыта вслед за методологическими спорами должны прийти дебаты о национальных школах.

Список использованной литературы

1. Xia A. International Politics: A Desirable Paradigm / A. Xia, S. Feng // *Contemporary International Relations*. — 2007. — Vol. 17, no. 3. — P. 94–104.
2. Qin Y. Development of International Relations Theory in China: Progress through Debates / Y. Qin // *International Relations of the Asia-Pacific*. — 2011. — Vol. 11, no. 2. — P. 231–257.
3. 秦亚青. 中国国际关系理论研究的进步与问题 // *世界经济与政治*. — 2008. — 页13–25. [Цинь Я. Проблемы и прогресс в исследованиях китайской теории международных отношений / Я. Цинь // *Мировая экономика и политика*. — 2008. — С. 13–25].
4. Грачиков Е.Н. Китайская теория международных отношений / Е.Н. Грачиков. — DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.5. — EDN ZHEPPX // *Международные процессы*. — 2016. — Т. 14, № 3. — С. 68–80.
5. Griffiths M. Rethinking Theory of International Theory / M. Griffiths. — New York : Palgrave Macmillan, 2011. — 226 p.
6. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А.А. Свешников // *Китай в мировой политике*. — Москва, 2001. — С. 93–143.
7. Гуреева Н. Кокорев К.А. Политический режим и модернизация Китая / Н. Гуреева. — EDN HSTYOH // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2005. — № 6. — С. 176–179.
8. Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950-1990-е гг.) / А.В. Цвык. — EDN TMGDZT // *Вестник Российского Университета Дружбы Народов*. Серия: Международные отношения. — 2015. — № 1. — С. 53–59.
9. Китай. История в лицах и событиях / под общ. ред. С.Л. Тихвинского. — Москва : Политиздат, 1991. — 254 с.

10. Ломанов А. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая) / А. Ломанов // Россия в глобальной политике. — 2005. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chzhungo-hepin-czyyueczzi-mirnoe-vozvyschenie-kitaya/>.
11. Ли Син. Россия и Китай в евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество? / Ли Син, М.В. Братерский, Д.А. Савкин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — 350 с.
12. 李君如 : 论“中国梦”与改革开放 [Ли Цзюньжу. «Китайская мечта» и политика реформ и открытости / Ли Цзюньжу. — URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0527/c49150-21621483.html>].
13. Wang J. The English and Chinese schools of IR: Comparisons and Lessons / J. Wang, B. Buzan // Chinese Journal of International Politics. — 2014. — N. 7. — P. 1–46.
14. Buzan B. China in International Society: Is 'Peaceful Rise' Possible? / B. Buzan // The Chinese Journal of International Politics. — 2010. — Vol. 3. — P. 5–36.
15. Buzan B. How and How Not to Develop IR Theory: Lessons from Core and Periphery / B. Buzan // The Chinese Journal of International Politics. — 2018. — Vol. 11, no. 4. — P. 391–414.
16. Qin Y. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise / Y. Qin. — DOI 10.1093/cjip/poq007 // The Chinese Journal of International Politics. — 2010. — Vol. 3, no. 2. — P. 29–153.
17. Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений : аналитические подходы и методы исследований / Е.Н. Грачиков. — DOI 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200. — EDN GHUJSY // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Международные отношения. — 2019. — Т. 19, № 2. — С. 187–200.
18. Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia / ed. A. Acharya, B. Buzan. — New York : Routledge, 2010. — 242 p.
19. 阎学通. 国际关系理论是普适性的 // 世界经济与政治. — 2006. 第二期. 1页. [Янь С. Универсальность теории международных отношений / С. Янь // Мировая экономика и политика. — 2006. — № 2. — С. 1].
20. 赵汀阳. 天下体系. 江苏教育出版社, 二〇〇五. — 160 页. [Чжао Т. Система Тянься / Т. Чжао. — Цзянсуская образовательная пресса, 2005. — 160 с.].
21. Kristensen P.M. Constructing a Chinese International Relations Theory: A Sociological Approach to Intellectual Innovation. / P.M. Kristensen, T.N. Ras // International Political Sociology. — 2013. — Vol. 7, no. 1. — P. 19–40.
22. Kristensen P.M. How Can Emerging Powers Speak? On Theorists, Native Informants and Quasi-Officials in International Relations Discourse / P.M. Kristensen // Third World Quarterly. — 2015. — Vol. 36, no. 4. — P. 637–653.
23. Chen D. The Rise of China's New Soft Power / D. Chen // The Diplomat. — 2015. — 9 June. — URL: <https://thediplomat.com/2015/06/the-rise-of-chinas-new-soft-power/>.
24. Babones S. American Tianxia: Chinese Money, American Power, and the End of History / S. Babones. — Bristol : Policy Press, 2017. — 88 p.
25. Callahan W. The Implications of "Tianxia" As A New World System / W. Callahan // USC US-China Institute. — 2008. — 4 Dec. — URL: <https://china.usc.edu/implications-tianxia-new-world-system>.
26. McGann J.G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J.G. McGann. — Philadelphia : University of Pennsylvania, 2021. — 376 p.
27. Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса / Е.В. Журбей. — EDN OYWSZB // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2011. — № 3 (18) — С. 131–139.

References

1. Xia A., Feng S. International Politics: A Desirable Paradigm. *Contemporary International Relations*, 2007, vol. 17, no. 3, pp. 94–104.
2. Qin Y. Development of International Relations Theory in China: Progress through Debates. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 231–257.
3. Qin Yaqing. Problems and Progress in Research on Chinese International Relations Theory. *Shìjì jīngjì yǔ zhèngzhì = World Economy and Politics*, 2008, pp. 13–25. (In Chinese).
4. Grachikov E.N. Chinese School of International Relations Theory. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 68–80. (In Russian). EDN: ZHEPPX. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.5.
5. Griffiths M. *Rethinking Theory of International Theory*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 226 p.
6. Sveshnikov A.A. Concepts of the People's Republic of China in the Field of Foreign Policy and National Security. *China in World Politics*. Moscow, 2001, pp. 93–143. (In Russian).
7. Gureeva N. Kokarev K.A. Political Regime and Modernization of China. *Problemy Dalnego Vostoka = The Problems of Far East*, 2005, no. 6, pp. 176–179. (In Russian). EDN: HSTYOH.

8. Tsvyk A.V. The Evolution of the Conceptual Basis of the Foreign Policy of the PRC (1950-1990). *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzby Narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik RUDN. International Relations*, 2015, no. 1, pp. 53–59. (In Russian). EDN: TMGDZT.
9. Tikhvinskii S.L. (ed.). *Китай. История в лицах и событиях*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 254 p.
10. Lomanov A. Zhongguo heping jueqi (China's Peaceful Elevation). *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2005. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/chzhungo-hepin-czzyueci-mirnoe-vozvyschenie-kitaya/>. (In Russian).
11. Li S., Braterskii M.V., Savkin D.A. *Russia and China in Eurasian Integration: Cooperation or Competition?* Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015. 350 p.
12. Li Junru. "Chinese Dream" and Reform and Opening Up. Available at: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0527/c49150-21621483.html>
13. Wang J., Buzan B. The English and Chinese schools of IR: Comparisons and Lessons. *Chinese Journal of International Politics*, 2014, no. 7, pp. 1–46.
14. Buzan B. China in International Society: Is 'Peaceful Rise' Possible? *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, vol. 3, pp. 5–36.
15. Buzan B. How and How Not to Develop IR Theory: Lessons from Core and Periphery. *The Chinese Journal of International Politics*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 391–414.
16. Qin Y. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 29–153. DOI: 10.1093/cjip/poq007.
17. Grachikov E.N. Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzby Narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 187–200. (In Russian). EDN: GHUJSY. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200.
18. Acharya A., Buzan B. (eds). *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. New York, Routledge, 2010. 242 p.
19. Yan Xuetong. Universality of the Theory of International Relations. *Shìjiè jīngjì yǔ zhèngzhì = World Economy and Politics*, 2006, no. 2, pp. 1. (In Chinese).
20. Zhao Tingyang. *Tianxia System*. Jiangsu Education Press, 2005. 160p.
21. Kristensen P.M., Ras T.N. Constructing a Chinese International Relations Theory: A Sociological Approach to Intellectual Innovation. *International Political Sociology*, 2013, vol. 7, no. 1, pp. 19–40.
22. Kristensen P.M. How Can Emerging Powers Speak? On Theorists, Native Informants and Quasi-Officials in International Relations Discourse. *Third World Quarterly*, 2015, vol. 36, no. 4, pp. 637–653.
23. Chen D. The Rise of China's New Soft Power. *The Diplomat*, 2015, June 9. Available at: <https://thediplomat.com/2015/06/the-rise-of-chinas-new-soft-power/>.
24. Babones S. *American Tianxia: Chinese Money, American Power, and the End of History*. Bristol, Policy Press, 2017. 88 p.
25. Callahan W. The Implications of "Tianxia" As A New World System. *USC US-China Institute*, 2008, December 4. Available at: <https://china.usc.edu/implications-tianxia-new-world-system>.
26. McGann J.G. *2020 Global Go To Think Tank Index Report*. Philadelphia, University of Pennsylvania, 2021. 376 p.
27. Zhurbei E.V. «Think Tanks» and Foreign Policy of the People's Republic of China: Background. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2011, no. 3, pp. 131–139. (In Russian). EDN: OYWSZB.

Информация об авторе

Абраменко Арсений Германович — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, arthur1815wellesley@gmail.com.

作者信息

Arsenii G. Abramenko — 研究生, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, arthur1815wellesley@gmail.com.

Author

Arsenii G. Abramenko — PhD Student, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, arthur1815wellesley@gmail.com.

Для цитирования

Абраменко А.Г. Становление китайской теории международных отношений: обзор научного дискурса / А.Г. Абраменко. — DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).221-231. — EDN YMKPQP // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 221–231.

For Citation

Abramenko A.G. The Formation of the Chinese Theory of International Relations: A Review of Scientific Discourse. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 221–231. (In Russian). EDN: YMKPQP. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(2).221-231.